

Цветы

Алексей Лукьянов

ФАНТАСТИКА

КУПЕ. ДЕНЬ

Пустое купе, на столике перед окном бутылка минералки, упаковка печенья и красочный буклет, за окном — перрон.

Входит Долгов — красивый мужчина в строгом деловом костюме, с кейсом. Кейс Долгов кладет на верхнюю полку, сам садится к окну, берет со стола буклет и начинает его изучать. На руке крупным планом — перстень с камнем. Почти сразу за ним заходит растрепанный полнеющий мужчина во фраке и в бабочке, с ворохом цветов в руках. Это Елькин. Вагон слегка вздрагивает, перрон за окном движется.

Елькин. Здравствуйте! (*Садится напротив попутчика, сваливает цветы рядом с собой.*) Извините, что все тут... Я не ожидал, что будет такой оглушительный успех... Будем знакомиться? Елькин, Петр Егорыч.

Долгов (*холодно*). Константин Иванович Долгов.

Елькин. Очень приятно!

Елькин протягивает руку, цепляет рукавом бутылку, пробка соскакивает с горлышка, вода с шипением льется на стол.

Елькин. Ох!

Долгов вскакивает с места, осматривает себя. На пиджаке небольшое мокрое пятно. Елькин со словами «как же я так... сейчас, подождите...» пытается помочь Долгову.

Долгов (*резко*). Сидите! Ничего страшного не произошло — это просто вода.

Елькин (*сокрушенно*). Извините, бога ради, я не хотел... Это случайно так...

Долгов. Я все понял, не нужно так бурно реагировать!

Елькин. Полотенце?

Долгов. Давайте.

Долгов берет из рук Елькина вафельное полотенце и промокает им пиджак.

Елькин. Мне так жаль!..

Долгов. Успокойтесь уже.

Елькин. Вы не сердитесь?

Долгов. Нет.

Елькин. Спасибо! Куда вы едете?

Долгов уничтожающе смотрит на Елькина, тот затыкается. В купе стучит и тут же, не дожидаясь ответа, входит Проводница.

Проводница. Здравствуйте! Будете что-нибудь брать?

Елькин (*оживившись*). А что у вас есть?

Долгов (*кивая на столик*). Уберите у нас, пожалуйста.

Проводница. Опять! При отправлении опрокинулась?

Долгов (*выразительно поглядев на Елькина*). Да. Ничего страшного, но как-то мокро стало...

Елькин. Не слушайте его, это я случайно опрокинул. Я заплачу, вы не...

Проводница. Все, что на столе, бесплатно.

Долгов. Спасибо. Рюмочку коньяку хорошего можно? И закусить чего-нибудь.

Проводница (*Елькину*). А вам?

Елькин (*поднимая от буклета разочарованный взгляд*). Можно повторить то, что... э... (*кивает на столик*) ну... вы понимаете...

Проводница (*невозмутимо*). Минералки, ясно. (*уходит*).

Коньяк в рюмке волнуется в такт стуку колес, рядом на тарелочке мясная нарезка. Долгов со вкусом выпивает коньяк, цепляет вилкой кусок мяса и отправляет в рот. Елькин отламывает от печенья прямо из упаковки кусочек, жует, запивает минералкой, не решаясь поднять глаз на попутчика.

При этом он постоянно сучит ногами, будто от нетерпения.

Долгов, окончив трапезу, вытирает рот салфеткой и смотрит на Елькина, потом на букеты.

Долгов. Цветы любите?

Елькин (*смущенно*). Нет, не особенно. Но не отказываться же, люди от чистого сердца...

Долгов. Прямо-таки от чистого?

Елькин. Мне кажется, вы все еще сердитесь.

Долгов замолкает и смотрит в окно. Снова входит Проводница.

Проводница. Убрать?

Долгов. Нет. Коньячку повторите, пожалуйста. (*Немного подумав*.) Давайте сразу бутылку. И закуски побольше.

Елькин смотрит на Долгова, потом на Проводницу.

Елькин. А знаете... можно цветы куда-то деть?

Проводница. Выбросить, что ли?

Елькин. Ну зачем сразу?.. Можно их в вазу какую-нибудь? Или в ведро?

Ведро с цветами стоит на кейсе. Попутчики едут молча, разговор не клеится. Долгов все время смотрит на цветы, он чем-то недоволен. Елькин избегает встречаться взглядом с соседом — то повернется к окну, то разглядывает руки, то хрустит печеньем, не переставая сучить ногами. Долгов мрачно смотрит на соседа и не выдерживает.

Долгов (*раздраженно*). Да что ты ерзаешь все время?!

Елькин (*смущаясь*). Ботинки жмут.

Долгов (*недоуменно*). Почему?

Елькин. Ну... понимаете... перед самым отъездом оказалось, что обувь прохудилась, пришлось покупать, а все второпях... Сначала-то казалось — впору, а вот сейчас чувствую — жмут.

Долгов. Так сними!

Елькин. А вы не против?

Долгов. Снимай, говорю!

Елькин снимает ботинки и блаженно улыбается. В купе снова становится тихо.

Елькин (*не выдержав молчания*). Давайте уже поговорим нормально. Я хороший человек, мне очень стыдно, что я вас облил, я извинился. Почему вы так смотрите?

Долгов (*задумчиво*). Очень много цветов.

Елькин. Чего?

Долгов. Говорю, цветов очень много. Куда тебе столько?

Елькин. В этом все дело? Ну вы меня и напугали. (*Облегченно*.) Я ведь не хотел на самом деле всего этого. Зачем было тащить все эти цветы? Куда мне с ними? Я их даже не люблю! Но нет, каждый принес, и не по цветочку, целыми снопами. И что им было говорить?! «Заберите, мне ни к чему»?! Да меня бы и слушать не стал никто! Ой, подождите, а может, у вас аллергия?!

Долгов смотрит на Елькина как на идиота, тот снижает.

Д о л г о в (*примирительно*). Но вообще, букет вполне себе...

Е л ь к и н. Нравятся? Забирайте! Честное слово — берите, не жалко! Куда я с ними потащусь, они же завянут через сутки.

Д о л г о в. Ты артист, что ли?

Е л ь к и н. Почему артист? (*Осматривает себя.*) Ах, это. Нет, что вы, я совсем не артист. Я селекционер-помолог. Это просто... ну, вы понимаете...

Д о л г о в. Так вот почему цветы...

Е л ь к и н. Помолог — это тот, кто плодово-ягодными сортами занимается.

Д о л г о в. И как? Интересно?

Е л ь к и н (*серьезно*). Очень. Я с детства этим увлекался, и почти пятьдесят лет в науке, если со студенчества считать.

Д о л г о в. И много сортов вывел?

Е л ь к и н. Один.

Д о л г о в. Всего?

Е л ь к и н. Что поделатъ, талант невелик, я больше занимался сохранением уже созданных сортов. Но без ложной скромности, мои персики даже в самых холодных районах на открытом грунте успевают созреть и дать крупные плоды с отменными вкусовыми качествами. А чем вы занимаетесь?

Д о л г о в. А ты меня не узнал?

Е л ь к и н. Извините, нет.

Д о л г о в. Сразу ясно, что ты помолог. Меня по ящику каждый день почти показывают.

Е л ь к и н. Я не смотрю телевизор, работы много...

Д о л г о в. Сейчас... (*Роется во внутреннем кармане пиджака, достает газетную вырезку.*) Читай.

Е л ь к и н (*пробежав глазами заметку, с удивлением смотрит на Долгова*). Это вы?! Очень рад знакомству.

Д о л г о в. Да, чепуха.

Е л ь к и н. Совсем не чепуха! Это же вы наш питомник от вырубки спасли, денег дали, лабораторию новую помогли построить...

Д о л г о в. Да как тебе сказать... Не совсем я. Я сам ни про какой питомник не слышал. И сам лично никому денег не даю: приходят люди, приносят бумаги на подпись — от меня только подпись требуется. Так что вашему питомнику, скорей всего, просто повезло. Кто-то пробивной достучался до одного из моих советников и убедил.

Е л ь к и н. Но деньги-то ваши!

Д о л г о в. А что с тех денег? Вон, видишь — чемодан? Там они все.

Е л ь к и н (*пытается убрать ведро с цветами с кейса*). Вот я балда-то!..

Д о л г о в. Сиди.

Е л ь к и н. Нет, ну правда, неудобно...

Д о л г о в. Неудобно «Ессентуки» пить, когда сосед по купе марочный коньяк хлещет и хамоном закусывает. (*Елькин порывается встать.*) Сиди, говорю! Никто твоему питомнику денег не дал! И все, что ты там собрал и вырастил, скорей всего, отправится или на свалку, или под бульдозеры.

Е л ь к и н (*шепотом*). Но как же так. Мне же сказали...

Д о л г о в (*наливает и пьет*). Мне тоже сказали. Читал я все, что с твоим питомником связано, сам собирался вмешаться. Даже в самолет сел, лично чтобы... а оно вон как вышло.

Е л ь к и н. А я в реанимации был... Мне там и сказали... видимо, чтобы успокоить... утешить...

Сидят молча. Поезд замедляет ход. В купе входит П р о в о д н и ц а.

П р о в о д н и ц а. Прибываем.

Е л ь к и н. Скажите: это всё? Этим все и закончится?

П р о в о д н и ц а (*ласково*). Родненький, чем же тебе плохо, скажи? Ты же не в геенну огненную, а в царствие небесное едешь. Жил, как праведник, умер, как мученик. Сам же сказал — не ожидал, что такой оглушительный успех будет. И друг твой — тоже человек хороший. Радоваться надо, что столько хорошего в жизни сделали.

Е л ь к и н. Но поймите, ведь там же... оно же все погибнет! Это не успех, это полный крах! Если мы не вернемся...

П р о в о д н и ц а. Родненький, так некуда возвращаться уже. Это здесь вы пятнадцать минут ехали, а там уже сорок дней прошло. Утешься, ничего бесследно не пропадает... Вот, приехали уже.

Поезд останавливается, Проводница выходит из купе. За окном — праздничный перрон, светло, музыка, в окно стучат две молодые женщины.

Е л ь к и н и Д о л г о в (*хором*). Мама?

Долгов и Елькин прижимаются к окну и глядят своих мам по лицам сквозь стекло.

Е л ь к и н. Мама... прости, пожалуйста. Мне очень, очень нужно назад. Понимаешь?

Мама улыбается сквозь слезы и кивает.

Е л ь к и н и Д о л г о в (*хором, друг другу*). Ты со мной?

Мужчины вскакивают с мест.

ПЕРРОН. ДЕНЬ

Долгов и Елькин мчатся по перрону, проталкиваясь через толпу встречающих. Елькин бежит в одних носках. Поезд, к которому они бегут, уже набирает ход. В т о р а я п р о в о д н и ц а собирается запираться тамбур.

Е л ь к и н (*на бегу*). Этот поезд обратно?

В т о р а я п р о в о д н и ц а. А билеты у вас есть?

Долгов и Елькин протягивают проводнице билеты. Она смотрит и хмыкает.

П р о в о д н и ц а. Повезло — транзитные. Ну, давайте быстрее. Только учтите, после рождения вы ничего не будете помнить!

Е л ь к и н. Ничего, может, и вспомним.

Д о л г о в. Обязательно.

Долгов и Елькин впрыгивают в поезд. Дверь в тамбур закрывается.

КУПЕ. ДЕНЬ

П р о в о д н и ц а входит в купе, где прежде ехали Долгов с Елькиным.

П р о в о д н и ц а. Эй! Цветы-то! Чемодан! (*Убегает.*)

Титры на фоне кейса и ведра с цветами:

— Я был богатым, как раджа.

— А я был беден.

Но на тот свет без багажа

Мы оба едем.

Редьярд Киплинг